

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) / LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.22>

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖАНРОВО-КОМПОЗИЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА США И КАНАДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕШЕНИЙ ВЕРХОВНЫХ СУДОВ США И КАНАДЫ)

Научная статья

Дмитриева Е.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-6610-131X;

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (elenasilikova[at]yandex.ru)

Аннотация

Настоящая статья посвящена судебному дискурсу как объекту лингвистического исследования. Особое внимание в статье уделяется национальной специфике судебного дискурса, которая обуславливает жанрово-стилистическое своеобразие судебного решения как центральной формы судебного дискурса. Основными жанрово-стилистическими особенностями судебных решений были определены принципы построения композиции текста решений, средства репрезентации личности автора, риторические приемы. По выделенным критериям были проведены количественный и качественный виды сопоставительного анализа с целью выявления отличий. В качестве материала исследования использовались тексты решений Верховных судов США и Канады. Для проведения сопоставительного анализа тексты решений были оформлены в два корпуса, которые анализировались автоматически и вручную.

Ключевые слова: судебный дискурс, сопоставительный анализ, Верховный суд США, Верховный суд Канады.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF GENRE AND COMPOSITIONAL TRAITS OF THE JUDICIAL DISCOURSE OF THE USA AND CANADA (ON THE MATERIAL OF DECISIONS OF THE SUPREME COURTS OF THE USA AND CANADA)

Research article

Dmitrieva E.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-6610-131X;

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (elenasilikova[at]yandex.ru)

Abstract

This article is dedicated to judicial discourse as an object of linguistic research. The work pays special attention to the national specificity of such discourse, which determines the genre and stylistic uniqueness of a court judgement as the central form of the discourse. The main genre and stylistic specifics of judicial decisions were identified as the principles of composition of their text, means of representation of the author's personality, and rhetorical techniques. According to the selected criteria, quantitative and qualitative types of comparative analysis were carried out in order to identify differences. The texts of the decisions of the Supreme Courts of the USA and Canada were used as the research material. For the comparative analysis, the texts of decisions were arranged in two corpora, which were analysed automatically and manually.

Keywords: judicial discourse, comparative analysis, U.S. Supreme Court, Canada Supreme Court.

Введение

Дискурс как объект научных исследований продолжает вызывать интерес у лингвистов, при этом многие труды российских ученых, среди которых Я.А. Волкова, И.В. Палашевская, Е.И. Шейгал, посвящены изучению прагматических характеристик речевого взаимодействия в рамках определенного типа дискурса. Актуальность темы настоящей статьи определяется коммуникативной направленностью и прагматическими особенностями дискурса как речевой деятельности в рамках ситуации общения. В современной лингвистике особое внимание обращено к национально-специфичным особенностям судебного дискурса конкретного государства, поскольку их изучение позволяет выявить нормы и характеристики речевого взаимодействия, описать правила коммуникативного поведения, существующие в рамках судебного дискурса определенного национального сообщества, сопоставить полученные данные и сделать выводы о национально-обусловленной уникальности судебного дискурса.

Целью сопоставительного исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, выступает необходимость выявить отличительные жанрово-стилистические особенности американского и канадского вариантов судебного дискурса на материале решений Верховных судов этих стран.

Задачи, которые перед собой ставит автор, включают:

- 1) уточнение следующих лингвистических понятий: судебный дискурс, жанр дискурса, стиль дискурса, определение понятия «форма судебного дискурса»;
- 2) выявление основных стилистических и композиционных особенностей судебного решения как формы судебного дискурса;
- 3) осуществление сопоставительного анализа языкового материала, включающего судебные решения Верховных судов США и Канады, и сделать выводы.

Материалом исследования послужили судебные решения Верховных судов США и Канады. Выбор именно такого материала объектом исследования мотивирован общенациональной значимостью Верховного суда как главного судебного органа в каждом государстве. Если стоит цель выявить национальную специфику судебного дискурса определенного государства, то необходимо обращаться к деятельности Верховного суда, так как в ней отражены в обобщенном виде национальные особенности судебных институтов всей страны.

Результаты исследования имеют практическое применение в рамках лингводидактики и дискурсивного подхода к формированию иноязычной компетенции у студентов профильных учебных заведений. Полученные в ходе исследования данные могут использоваться при профессионально-ориентированном обучении английскому языку, а также при развитии у студентов навыков композиционного и стилистического оформления письменной англоязычной речи.

Научная новизна проведенного исследования состоит в использовании современного языкового материала, который включает тексты судебных решений Верховных судов США и Канады за последние пять лет, а также в применении новых цифровых технологий для проведения сопоставительного анализа.

Методы и принципы исследования

Методология анализа дискурса сложна, и, как правило, исследователи не ограничиваются только одним методом [13, С. 28]. Для получения достоверных выводов о жанрово-стилистических особенностях судебного дискурса США и Канады необходимо проанализировать большой объем материала, так как при увеличении объема выборки исключается вероятность получения случайных вариантов [9, С. 88–89]. В основе методологии настоящего исследования лежит метод корпусной лингвистики, согласно которому языковой материал структурируется в корпус текстов с предварительной обработкой и устранением шумовых слов и символов (выходные данные, даты, неязыковые символы). Судебные решения Верховных судов США и Канады были оформлены в два моноязычных специализированных корпуса, американский и канадский. Объем каждого корпуса составляет 106 873 знака. Доступ к текстам решений был получен на официальных сайтах Верховных судов США и Канады [25], [26].

Сопоставительный анализ подразумевает проведение количественного и качественного анализа языковых единиц с целью выявления отличий. Для проведения количественного анализа материала корпусов использовалось приложение Antcon4.2.4 для получения точных данных. Данное приложение также применялось для поиска языковых единиц, соответствующих заданным критериям, в каждом корпусе. На основании полученных данных проходило сопоставление количественных показателей в абсолютных числах, а также отмечались расхождения или совпадения языковых единиц в американском и канадском корпусах.

Помимо автоматизированного поиска материалы корпусов анализировались вручную при исследовании композиции и структурных особенностей решений Верховных судов США и Канады, при поиске риторических приемов, в частности, средств выразительности. Для сопоставления семантических отличий обозначений компонентов судебного решения применялся метод дефиниционного анализа словарных статей, посредством которого были выявлены отличительные характеристики значения номинации судебного решения как официального документа. Сочетание нескольких методов в исследовании позволили получить всеобъемлющие и достоверные результаты.

Обсуждение

Согласно точке зрения российского эксперта в области судебной лингвистики И.В. Палашевской, судебный дискурс определяется как статусно-ориентированное, институциональное общение, иными словами, коммуникативное поведение участников дискурса при решении споров в суде [7, С. 164]. Характерными признаками судебного дискурса как институционального вида общения можно назвать шаблонность, трафаретность, четкую последовательность, ритуализированность и церемониальность.

Любой вид дискурса имеет полевую структуру, которая состоит из центра и периферии [1, С. 167], [10]. Судебный дискурс также представлен полем, в пределах которого функционируют центральные и периферические формы дискурса. Форма дискурса – это речевая деятельность, ограниченная рамками контекста конкретной ситуации общения, имеющая определенную коммуникативную цель и жанрово-стилистическое оформление. Для судебного дискурса центральными формами являются судебные заседания и судебные решения, так как они олицетворяют основные функции института судебной власти – разрешение конфликта или противоречий между сторонами.

Рассмотрение жанрово-стилистических особенностей судебного дискурса вызывает необходимость определить термины «стиль» и «жанр» применительно к термину «судебный дискурс».

Термин «стиль» в рамках теории функциональных стилей определяется как исторически сложившаяся и обусловленная целями коммуникации совокупность языковых средств, правил их отбора, сочетания и употребления, которая традиционно приемлема в определенной социальной сфере [8, С. 508]. Как отмечает О.В. Орлова, «теория функциональных стилей предлагает непротиворечивую и достаточно стройную общую систематизацию» [6, С. 22]. Поскольку судебный дискурс ограничен рамками судопроизводства как важного социального института, он должен «обслуживаться» определенным функциональным стилем, характерным для этой социальной сферы. Так, по мнению М.Н. Кожинной, стилем судебно-правовой сферы является официально-деловой функциональный стиль [3, С. 171]. Однако, при анализе стилистических особенностей судебного заседания Я. Малей указывает, что в речи участников существуют отклонения от норм официально-делового стиля в сторону разговорного [20, С. 13]. Смещение стилевых черт противоречит стройной и четкой системе функциональных стилей, поэтому конкретный вид дискурса не равнозначен стилю. Скорее, у каждого вида дискурса свой уникальный стиль, который не подпадает под классическую классификацию стилей [12]. Следовательно, стиль каждого вида дискурса – сочетание лексических, грамматических единиц и речевых оборотов, свойственных именно этому виду дискурса. Таким образом, можно предположить, что тексты судебных решений Верховного суда США и Верховного суда Канады характеризуются стилистической уникальностью.

Жанр, как правило, определяется как обособленное речевое произведение, стилистически оформленное и имеющее определенную композицию. Так, жанр и стиль – это два взаимосвязанных и взаимообусловленных понятия. Однако, как признают некоторые исследователи, жанр как конкретное речевое произведение имеет типизированную композицию [4, С. 231], [2, С. 78]. Если при классификации стиля учитывалась социальная сфера речевого взаимодействия, при классификации жанров важную роль играет коммуникативная цель участников общения. Так, Т.В. Шмелева приводит классификацию речевых жанров, основанную на коммуникативной направленности и коммуникативной цели. Согласно этой классификации, жанры можно разделить на императивные, информативные, этикетные и оценочные [11]. Поэтому, если стиль судебного решения – это лексико-грамматическое своеобразие языковых единиц и речевых оборотов, которые его составляют, то жанр – это характерное для определенного контекста композиционное оформление языковых единиц и речевых оборотов согласно коммуникативным целям автора. Совокупность языковых единиц и речевых оборотов, структурированных согласно композиционным требованиям и отобранных согласно эффективной реализации коммуникативных целей, образует жанрово-стилистическое своеобразие судебного решения как формы судебного дискурса.

Результаты исследования

4.1. Композиция судебного решения

Жанрово-композиционная структура судебного решения может варьироваться в зависимости от судебного органа [23, С. 29]. Однако решения конкретного суда обязательно должны быть единообразны с точки зрения композиции, так как судебное решение как источник права не может иметь свободную форму, а должно включать все необходимые структурные компоненты, в противном случае судебное решение не будет иметь силы [27, С. 96].

На основании классификации жанров согласно коммуникативной цели участников дискурса был сделан вывод о том, что судебное решение состоит из нескольких жанров, каждый из которых соответствует конкретной коммуникативной цели. Краткое изложение фактов апелляции соответствует информативному жанру, постановление – императивному, мотивировочная часть – оценочному жанру. Таким образом, судебное решение представляет собой сложный комплексный жанр, включающий более простые жанры, которые организованы в определенном порядке в тексте судебного решения, что и образует композицию судебного решения.

В таблице №1 приведены результаты сопоставительного анализа судебных решений Верховных судов США и Канады на предмет жанрово-композиционных особенностей.

Таблица 1 - Композиция судебного решения

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.22.1>

№	решение Верховного суда США	решение Верховного суда Канады
1	заголовок	заголовок
2	краткое изложение фактов дела и позиции суда	ключевые слова
3	постановление суда	краткое изложение фактов дела
4	мотивировочная часть	краткое изложение позиции суда
5	особое мнение (при наличии)	постановление суда
6	-	список источников
7	-	мотивировочная часть (обычно сопровождается оглавлением)
8	-	особое мнение (при наличии)
9	-	постановление суда
10	-	указание сторон апелляции

В тексте решений Верховного суда Канады присутствует составные части, которые делают его более техничными, более подробными и детальными. Например, список ключевых слов, которые помогут заинтересованным лицам понять, к какой области права относится апелляция, и какие юридические вопросы затронуты судьей-автором в мотивировочной части. Мотивировочная часть делится на более мелкие подразделы, и, как правило, включает *Overview, Background, Judicial History, Analysis, Conclusion*. Обычно мотивировочная часть сопровождается оглавлением, которое также помогает найти необходимую информацию в конкретном разделе. Помимо сносок на источники права, которые приведены в самом тексте решения, в текстах решения приводится отдельный список законов, прецедентов и других источников права для ознакомления. В конце еще раз приводится постановление суда, и перечисляются все стороны по апелляции.

Текст решений Верховного суда США имеет более простую композицию, в нем отсутствуют такие технические детали, как оглавление, ключевые слова, отдельный список источников; ссылки на источники права приводятся только

в тексте решения, отдельно не выносятся. Краткое изложение фактов дела и позиции суда представлены как один элемент композиции.

4.2. Жанрово-стилистические особенности судебных решений Верховного суда США и Верховного суда Канады

На основании сопоставительного анализа материалов американского и канадского корпусов было выявлено, что центральным элементом решений Верховных судов США и Канады, а также элементом, характеризующимся наибольшим стилистическим своеобразием, является мотивировочная часть, в которой судья-автор аргументирует решение суда, и особое мнение, в котором судья-автор выражает несогласие с решением суда.

Отличительные особенности мотивировочной части и особого мнения обусловлены отчасти специфичной номинацией, которую данные термины имеют в американском и канадском вариантах английского языка. Как полагает В.М. Лейчик, профессиональный термин, образованный из единиц общего языка, мотивирован семантикой данной единицы [5, С. 44]. Термины, обозначающие вышеуказанные элементы решения Верховных судов в США и Канаде, были образованы на основе единиц общего языка, то есть из общего английского было заимствовано слово для образования судебного-правового термина.

В ходе сопоставительного анализа было определено, что термины «мотивировочная часть решение Верховного суда» и «особое мнение», как и обобщающий термин «решение Верховного суда», в канадском и американском варианте обозначается по-разному. В канадском варианте для обоих понятий используется термин «*reasons*», в то время как в американском варианте – термин «*opinion*». Сопоставительный анализ словарных определений этих двух языковых единиц, лежащих в основе номинации судебного-правовых терминов, позволил сделать вывод о том, что в термине «*opinion*» превалирует компонент значения, отражающий субъективную, личную точку зрения, основанную, как правило, на чувствах и личных убеждениях автора. Центральными компонентами семантики, указанными в словарных дефинициях языковой единицы «*opinion*», выступают следующие: *based mainly on your feelings and beliefs / belief less strong than positive knowledge / what you think or believe about it* [15], [16], [22], [24].

В семантике термина «*reasons*» закреплено значение логического, объективного обоснования, фактической составляющей аргумента исходя из доказательств и практических знаний. На основании информации, приведенной в словарных определениях, в значении лексической единицы «*reasons*» можно выделить следующие ключевые компоненты: *to think in a logical way, to have evidence for your belief or there is a definite cause of your feeling / a rational ground or motive / logical defense / based on practical facts* [15], [16], [22], [24]. Так как номинация термина мотивирована семантикой лексической единицей и отражает основные компоненты значения, логичным является предположение о том, что стиль мотивировочной части и особого мнения Верховного суда США в значительной степени тяготеет к речевому произведению, где при аргументации позиции суда прослеживается личное мнение судьи-автора, в то время как для стиля мотивировочной части и особого мнения Верховного суда Канады в большей мере характерна аргументация позиции суда, основанная на фактах и доказательствах.

Стиль судьи-автора, который аргументирует решение суда или выражает несогласие с мнением большинства, характеризуется наличием противоречия между выражением собственной позиции и созданием личностно-нейтрального документа [19, С. 117–120].

Как отмечает Д. Дейви и Д. Кристал, для судебного-правовых документов нехарактерна репрезентация личности автора, а также несвойственно использование личных местоимений [17, С. 202]. Так, текст документа должен быть максимально безличным, в нем должны отсутствовать личные местоимения, при этом, как правило, превалируют безличные конструкции. Однако судья-автор ведет аргументацию от своего лица, мотивировка решения излагается им как личная позиция, он выражает свое мнение, которое совпадает с мнением большинства судей или не совпадает, поэтому судья неизбежно прибегает к использованию личных местоимений. Нами был проведен сопоставительный анализ частотности языковых средств, выражающих личную позицию автора, а также частотности языковых средств, посредством которых конструируются безличные речевые обороты. К первой категории средств относятся личное местоимение «*I*» и его формы «*my*», «*me*», «*mine*», ко второй категории – речевые конструкции в страдательном залоге и безличные предложения выражения точки зрения, например: *it is believed to be / it is said to be / it is presumed to*. Проведенный сопоставительный анализ показал, что формы личных местоимений превалируют в американском варианте (309 единиц – 151 единиц), формы страдательного залога в равной степени присутствуют в обоих вариантах (171 единиц – 183 единиц), формы безличных предложений преобладают в канадском варианте (163 единиц – 245 единиц).

Еще одной характерной особенностью судьи-автора при аргументации своей точки зрения выступает риторическая неизбежность [19, С. 117]. В рамках аргументации риторические приемы используются для выделения определенного компонента речевого потока с тем, чтобы привлечь к нему внимание адресата [14], [18], [21]. К таким приемам, в основном, относятся грамматико-синтаксические приемы (особое расположение членов предложения с целью выделить часть, предложения с выделением элемента, синтаксические перестановки, риторические вопросы, гипофоры), лексико-грамматические приемы (превосходная степень прилагательных, выражающие максимальное качество, наречия-интенсификаторы), средства выразительности (метафоры, метонимии, сравнения, олицетворения). Результаты сопоставительного анализа показали, что принципиальные количественные отличия касаются использования таких приемов, как риторические вопросы, гипофоры, средства выразительности.

Канадские Верховные судьи при аргументации в основном используют устойчивые, стертые метафоры, сравнения, олицетворения, которые имеют статус речевых клише. Статус речевого оборота как речевого клише определяется на основании его фиксации в лексикографических источниках. Например, в речевых оборотах «*a tax treaty provides avenues*», «*unbridled application of law*», «*the party comes with clean hands*» используются зафиксированные в словарях переносные значения лексических единиц «*avenue*», «*unbridled*», «*clean hands*». В американском варианте, помимо устойчивых речевых клише, судьи используют образные выражения, например, «*lone dissent*», «*splintered decision*»,

«this section is a safety valve», «it cabined the authority», «the section is wafer thin reed», «our cases ... have veered off into fantasy land». В вышеперечисленных примерах использование лексических единиц в переносном значении является авторским приемом выделения качества, характеристики или свойства предмета. В результате проведенного сопоставительного анализа были получены следующие количественные данные: в американском варианте количество использований стертых средств выразительности составило 302 единицы, в канадском варианте – 110 единиц; авторские средства выразительности в американском варианте составили 73 единицы, в канадском варианте их не было обнаружено.

Канадские судьи не используют ни гипофоры, ни риторические вопросы как средства выделения информации и привлечения внимания адресата, строя аргументацию за счет утвердительных по форме высказываний.

Для американских судей характерно выстраивать аргументацию посредством тактики «вопрос-ответ», так называемого приема «гипофоры», например: «So what work is the major questions doctrine doing in these cases? I will give you the long answer, but here is short one. The doctrine serves as an interpretive tool.» , «What are the elements the government must prove to secure a conviction for attempted Hobbs Act robbery? ... to win a conviction for a completed robbery the government must show that the defendant engaged in the “unlawful taking or obtaining of personal property”». Более того, частотными являются и риторические вопросы в мотивировочной части решения и в особом мнении, которые выполняют функцию утвердительного высказывания, но, благодаря вопросительной форме, имеют более высокую степень убедительности, например: «Doesn't it depend on the nature and scope of the pandemic, and on a host of other foreseeable and unforeseeable factors? You can see the problem.», «But what if there is more to the story?». Проведенный сопоставительный анализ дал следующие количественные показатели: в американском варианте риторические вопросы составляют 61 единицу, гипофоры – 130 единиц; в канадском варианте данные риторические приемы не используются.

Заключение

В ходе исследования было определено, что судебное решение Верховного суда представляет собой форму судебного дискурса, характеризующуюся жанрово-стилистическим своеобразием. На примере решений Верховных судов США и Канады были выявлены национально-специфичные жанрово-стилистические особенности данной формы судебного дискурса.

Во-первых, эти отличия касаются композиции текста судебного решения. Решения Верховного суда Канады характеризуются наличием структурных компонентов, которые придают им большую детализацию и техничность, таких как оглавление, ключевые слова, повторы постановлений суда и дополнительное перечисление сторон апелляции в конце текста решения. Решения Верховного суда США, в свою очередь, имеют более простую композицию.

Во-вторых, жанрово-стилистические отличия судебных решений, отраженные в разной номинации этого понятия в американском и канадском вариантах английского языка, связаны с репрезентацией личности автора в текстах мотивировочной части и особого мнения. Для решений Верховного суда США в большей степени свойственно использование личных местоимений, в отличие от Верховного суда Канады, где преобладают средства построения безличных конструкций. Также для стиля американских Верховных судей характерно более разнообразное использование риторических приемов. Помимо синтаксических, лексико-грамматических средств выделения информации, которые в равной степени характерны и для канадского варианта, в мотивировочной части и особом мнении решений Верховного суда США используются авторские образные метафоры, сравнения, олицетворения, риторические вопросы и гипофоры. В канадском варианте они не используются. При аргументации стиль канадских судей в меньшей степени характеризуется риторической направленностью, более соответствуют логико-фактическому стилю аргументации, где роль автора в значительной степени нивелируется. В решениях Верховного суда США аргументация позиции суда представлена через призму личной позиции судьи-автора, с использованием большого количества личных местоимений, при этом риторическая направленность является важной составляющей логико-фактической аргументации.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.22.2>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.22.2>

Список литературы / References

1. Волкова Я. А. Коммуникативная категория деструктивности: интердискурсивный аспект / Я. А. Волкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — №1 (134). — с. 166-171.
2. Горобец О. Б. Стиль и жанр: соотношение и взаимосвязь понятий / Горобец О. Б. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2008. — № 1. — Ч. 1. — с. 76-80.
3. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. — Москва, 1977. — 223 с.
4. Лазеева Н. В. «Речевой жанр» и подходы к его определению / Н. В. Лазеева, Л. П. Прохорова // Сибирский филологический журнал. — 2013. — с. 230-234.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 256 с.

6. Орлова О. В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. В контексте идей М. Н. Кожинной / О. В. Орлова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2013. — №4 (24). — с. 19-25.
7. Палашевская И. В. Судебный дискурс / И. В. Палашевская // Дискурс-Пи. — 2015. — №3-4 (12). — с. 164-166.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — 2-е изд., стереотип. — Москва: Флинта: Наука, 2011. — 696 с.
9. Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики / Р. М. Фрумкина. — Москва: Наука, 1964. — 115 с.
10. Шейгал Е. И. Структура и границы политического дискурса / Е. И. Шейгал // Филология — Philologica. — 1998. — №14. — с. 22-29.
11. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж». — 1997. — № 1. — с. 88-98.
12. Bellier I. Anthropology of Institutions and Discourse Analysis: Looking into Interdisciplinarity / I. Bellier // A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, Methodology and Interdisciplinarity. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2005. — P. 243-267.
13. Blommaert J. Discourse A Critical Introduction / J. Blommaert. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — p. 299.
14. Callies M. Information Highlighting in Advanced Learner English: the Syntax-pragmatics Interface in Second Language Acquisition / M. Callies. — Amsterdam: John Benjamins B.V., 2009. — 293 p.
15. Cambridge online dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/british-and-american-english> (accessed: 26.11.2020).
16. Collins Online Dictionary. — URL <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 4.10.2023).
17. Crystal D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. — New York: Longman, 1969. — 264 p.
18. Fahnestock J. Rhetorical Style. The Use of Language in Persuasion / J. Fahnestock. — New York: Oxford University Press, 2011. — 449 p.
19. Ferguson R. A. Practice Extended: beyond Law and Literature / R. A. Ferguson. — New York: Columbia University Press, 2016. — p. 337.
20. Maley Y. The Language of the Law / Y. Maley // Language and the Law. — New York: Longman, 1994. — P. 11-50.
21. McGuigan B. Rhetorical Devices: a handbook and activities for student writers / B. McGuigan. — Clayton, DE: Prestwick House, 2007. — 225 p.
22. Merriam Webster dictionary. — URL <https://www.merriam-webster.com/dictionary/res%20judicata> (accessed: 4.10.2020).
23. Neumann R. K. Legal Reasoning and Legal Writing: Structure, Strategy, and Style / R. K. Neumann. — New York : Aspen Publishers, 2005. — 542 p.
24. Oxford Learner's dictionary. — URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 26.09.2023).
25. The Supreme Court of Canada. — URL: <https://scc-csc.ca/case-dossier/info/webcasts-webdiffusions-eng.aspx> (accessed: 30.04. 2022).
26. The Supreme Court of the United States. — URL: <https://www.supremecourt.gov> (accessed: 15.02. 2022).
27. Tiersma P. M. Legal Language / P. M. Tiersma. — Chicago: Chicago University Press, 1999. — 314 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Volkova YA. A. Kommunikativnaya kategoriya destruktivnosti: interdiskursivnyj aspect [The Communicative Category of Destructiveness: the Interdiscursive Aspect] / YA. A. Volkova // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta stat'ya [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. — 2019. — №1 (134). — p. 166-171 [in Russian].
2. Gorobec O. B. Stil' i zhanr: sootnoshenie i vzaimosvyaz' ponyatij [Style and Genre: Correlation and Interrelation of Concepts] / Gorobec O. B. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Theory and Practice]. — 2008. — № 1. — Part 1. — p. 76-80 [in Russian].
3. Kozhina M. N. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian Language] / M. N. Kozhina. — M., 1977. — 223 p. [in Russian]
4. Lazeeva N. V. «Rechevoj zhanr» i podhody k ego opredeleniyu ["Speech Genre" and Approaches to its Definition] / N. V. Lazeeva, L. P. Prohorova // Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Philological Journal]. — 2013. — p. 230-234 [in Russian].
5. Lejchik V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology: Subject, Methods, Structure] / V. M. Lejchik. — M.: Book House «LIBROKOM», 2009. — 256 p. [in Russian]
6. Orlova O. V. Problema sootnosheniya ponyatij stilya i diskursa v lingvistike nachala HKHI v. V kontekste idej M. N. Kozhinoj [The Problem of the Correlation of the Concepts of Style and Discourse in Linguistics of the Early Twentieth Century. In the Context of M. N. Kozhina's Ideas] / O. V. Orlova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. — 2013. — №4 (24). — p. 19-25 [in Russian].
7. Palashevskaya I. V. Sudebnyj diskurs [Judicial Discourse] / I. V. Palashevskaya // Discourse-Pi. — 2015. — №3-4 (12). — p. 164-166 [in Russian].
8. Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language] / ed. by M. N. Kozhina. — 2nd ed. — M.: Flinta: Nauka, 2011. — 696 p. [in Russian]
9. Frumkina R. M. Statisticheskie metody izucheniya leksiki [Statistical Methods of Vocabulary Study] / R. M. Frumkina. — M.: Nauka, 1964. — 115 p. [in Russian]

10. SHEjgal E. I. Struktura i granicy politicheskogo diskursa [Structure and Boundaries of Political Discourse] / E. I. SHEjgal // Filologiya – Philologica [Philology – Philologica]. — 1998. — №14. — p. 22-29 [in Russian]
11. SHmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [A Model of the Speech Genre] / T. V. SHmeleva // ZHany rech: sb. nauch. st. Saratov: GosUNC «Kolledzh» [Genre of Speech: collection of scientific art. Saratov: GOSUNTS "College"]. — 1997. — № 1. — p. 88-98 [in Russian].
12. Bellier I. Anthropology of Institutions and Discourse Analysis: Looking into Interdisciplinarity / I. Bellier // A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, Methodology and Interdisciplinarity. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2005. — P. 243-267.
13. Blommaert J. Discourse A Critical Introduction / J. Blommaert. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — p. 299.
14. Callies M. Information Highlighting in Advanced Learner English: the Syntax-pragmatics Interface in Second Language Acquisition / M. Callies. — Amsterdam: John Benjamins B.V., 2009. — 293 p.
15. Cambridge online dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/british-and-american-english> (accessed: 26.11.2020).
16. Collins Online Dictionary. — URL <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 4.10.2023).
17. Crystal D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. — New York: Longman, 1969. — 264 p.
18. Fahnestock J. Rhetorical Style. The Use of Language in Persuasion / J. Fahnestock. — New York: Oxford University Press, 2011. — 449 p.
19. Ferguson R. A. Practice Extended: beyond Law and Literature / R. A. Ferguson. — New York: Columbia University Press, 2016. — p. 337.
20. Maley Y. The Language of the Law / Y. Maley // Language and the Law. — New York: Longman, 1994. — P. 11-50.
21. McGuigan B. Rhetorical Devices: a handbook and activities for student writers / B. McGuigan. — Clayton, DE: Prestwick House, 2007. — 225 p.
22. Merriam Webster dictionary. — URL <https://www.merriam-webster.com/dictionary/res%20judicata> (accessed: 4.10.2020).
23. Neumann R. K. Legal Reasoning and Legal Writing: Structure, Strategy, and Style / R. K Neumann. — New York : Aspen Publishers, 2005. — 542 p.
24. Oxford Learner's dictionary. — URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 26.09.2023).
25. The Supreme Court of Canada. — URL: <https://scc-csc.ca/case-dossier/info/webcasts-webdiffusions-eng.aspx> (accessed: 30.04. 2022).
26. The Supreme Court of the United States. — URL: <https://www.supremecourt.gov> (accessed: 15.02. 2022).
27. Tiersma P. M. Legal Language / P. M. Tiersma. — Chicago: Chicago University Press, 1999. — 314 p.